

ИНДЕКС №12 (26) | 2021 БЕЗОПАСНОСТИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

Артем Квартальнов

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ БЫСТРОГО ГЛОБАЛЬНОГО УДАРА

МОСКВА, 2021

Главный редактор: В.А. Орлов

Редактор: Е.Г. Чобанян

Рецензент: С.Д. Семенов

Квартальнов Артем Александрович. Эволюция и перспективы развития концепции быстрого глобального удара / Ред. Е.Г. Чобанян. М.: ПИР-Пресс, 2021. – 41 с. – (Индекс Безопасности – Научные записки).

ISBN 978-5-6047005-3-2

В данной работе представлен комплексный анализ развития концепции быстрого глобального удара (БГУ) с 2000-ых годов по настоящее время. В первой главе автор рассматривает политические основания концепции БГУ, уделяя особое внимание истории дискуссий по проблематике быстрого глобального удара внутри самих США. Во второй главе обобщаются шаги разных американских администраций в области военно-технической реализации потенциала БГУ. В третьей главе автор даёт оценку международно-политическим последствиям концепции БГУ, а в четвертой – оценивает реакцию России и КНР на концепцию БГУ.

Данная научная записка и другие материалы научной серии размещены на сайте:
<http://pircenter.org/articles>

ISBN 978-5-6047005-3-2

9 785604 700532

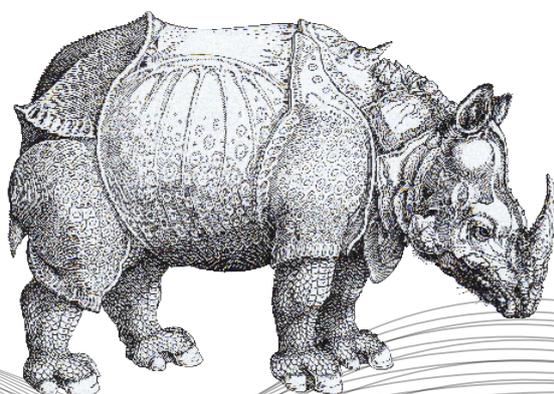
© ПИР-Пресс, 2021

АВТОР

КВАРТАЛЬНОВ Артем Александрович

Магистрант МГИМО МИД России (программа «Глобальная политика и международно-политический анализ»), член Молодежной комиссии по проблемам глубоких сокращений ядерного оружия и Молодежной группы ОДВЗЯИ. В 2019 г. проходил практику в МИД России, в 2020-2021 гг. проходил практику и стажировку в ПИР-Центре. Сфера научных интересов: международная безопасность, европейская безопасность, контроль над вооружениями, политика сдерживания, проблематика статуса в международных отношениях, российско-американские отношения.

Эл.почта: artem@kvartalnov.ru

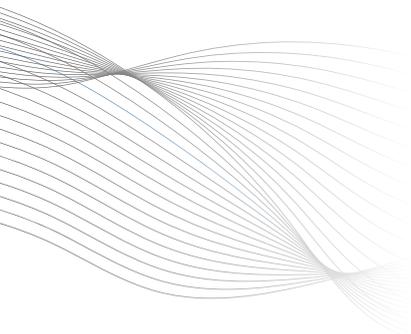

Оглавление

Главное	5
Введение	6
Глава 1. Политические основания концепции быстрого глобального удара	8
1.1 Цели и задачи концепции быстрого глобального удара в исторической перспективе	8
1.2 Концепция быстрого глобального удара в американском внутриполитическом процессе	15
Глава 2. Военно-технические аспекты концепции быстрого глобального удара	22
2.1 Реализация концепции быстрого глобального удара при администрации Дж. Буша-мл.	22
2.2 Реализация концепции быстрого глобального удара при администрации Б. Обамы	25
2.3 Концепция быстрого глобального удара после 2016 года _	27
2.4 Военная эффективность вооружений в рамках концепции быстрого глобального удара	31
Глава 3. Международно-политические последствия концепции быстрого глобального удара	33
3.1 Воздействие концепции быстрого глобального удара на состояние стратегической стабильности	33
3.2 Концепция быстрого глобального удара в политике России и Китая	36
Заключение	39

Главное

- Задачу систем быстрого глобального удара можно определить как способность нанесения высокоточного конвенционального удара по цели в любой точке мира в течение часа после принятия соответствующего решения.
- Хотя концепция неядерного БГУ во многом основывается на наработках второй половины холодной войны, она приобрела свои современные очертания лишь в 1990-х и 2000-х гг.
- Если изначально потенциал БГУ создавался скорее с целью сдерживания «государств-изгоев», то со временем главной задачей БГУ стало противодействие китайскому потенциалу ведения асимметричной войны.
- Цели и задачи БГУ с самого начала обозначались максимально размыто, в результате чего возникли широкие возможности для самых разнообразных интерпретаций намерений американских военных.
- Основными источниками угроз стратегической стабильности со стороны БГУ являются скорость, манёвренность, траектория и глобальный охват соответствующих систем вооружений, а также вероятность их применения в доядерном конфликте с Россией или Китаем.
- Россия и Китай рассматривают БГУ в качестве проекта, направленного на формирование потенциала уничтожения российских и китайских стратегических ядерных сил без применения ЯО. С одной стороны, анализ американских документов и экспертно-аналитических материалов не позволяет подтвердить данный тезис. С другой стороны, США не предприняли никаких шагов, позволивших бы развеять соответствующие опасения.

Эволюция и перспективы развития концепции быстрого глобального удара

Введение

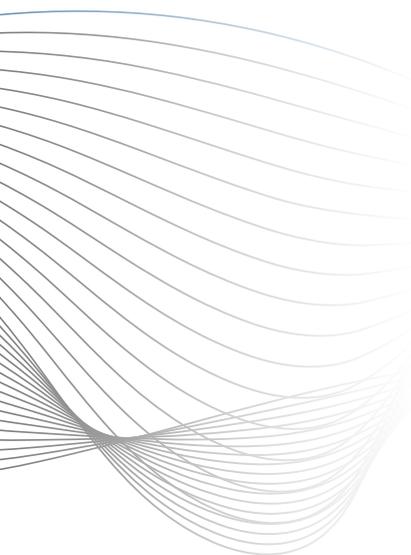
После завершения «холодной войны» в 1989–1991 гг. США столкнулись с принципиально новой реальностью – миром, который казался свободным от конкуренции великих держав и в котором не существовало экзистенциальных угроз для Соединенных Штатов Америки. Миром, который требовал выработки новых механизмов политического и экономического управления – на многосторонней или односторонней, либеральной или реалистической, инклюзивной или эксклюзивной основе. В сложившихся условиях Вашингтону предстояло принять множество решений, имевших судьбоносный характер для будущего международного порядка.

Многие из этих решений широко известны. Инклюзивному межгосударственному сотрудничеству Соединенные Штаты предпочли «порядок, основанный на правилах»: конвергенции – вестернизацию, роспуску НАТО – придание альянсу новых функций и задач. Все эти шаги отражали формирование новой внешнеполитической идентичности США – мнимого гаранта международной стабильности и безопасности. В Соединенных Штатах резко снизилась толерантность к внешним угрозам: даже по прежним меркам незначительная опасность на дальних рубежах теперь рассматривалась как неприемлемая и подлежащая искоренению.

Именно в этом контексте имеет смысл рассматривать те военно-политические решения, которые принимались в Соединенных Штатах в 1990-х, 2000-х и отчасти 2010-х годах. Вашингтон делал всё возможное, чтобы у потенциального противника не осталось ни малейшей возможности нанести США существенный урон. Развитие противоракетной обороны (ПРО), расширение НАТО, борьба против непредсказуемых для Вашингтона авторитарных режимов и концепция превентивной самообороны были частью американского плана по достижению абсолютной безопасности. Менее известной, но не менее важной частью этого плана стала и концепция (неядерного) быстрого глобального удара (БГУ; НБГУ; англ. (Conventional) Prompt Global Strike, PGS/CPGS).

Зародившаяся в период первого президентского срока Дж. Буша-мл. концепция БГУ имеет своей целью надделение США возможностью оперативно реагировать на угрозы, не требующие ядерного ответа. В широком смысле потенциал БГУ можно определить как способность нанесения высокоточного конвенционального удара по цели в любой точке мира в течение часа после принятия соответствующего решения¹. Концепция

¹ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги.

конвенционального быстрого глобального удара должна была позволить США преодолеть ограничения, накладываемые дальностью ракеты Tomahawk Block III, не превышающей 1600 км². После приобретения потенциала БГУ США смогли бы вести конвенциональную войну в действительно глобальных масштабах, что в 2000-е годы представлялось Министерству обороны США особенно важным в условиях глобальной «войны против терроризма».

Изначально в Пентагоне полагали, что практическая реализация потенциала БГУ не составит сложности. Так, американские военные считали возможной адаптацию уже существующих межконтинентальных баллистических ракет (МБР) или баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) для новых задач – например, оснащение ракет «Трайдент» неядерными боевыми блоками³. Тем не менее на пути реализации концепции БГУ постоянно возникали новые препятствия. В результате идея быстрого глобального удара не только так и не была воплощена в жизнь за почти что 20 лет, но и в ходе своей эволюции фактически лишилась как «глобальности», так и «быстроты».

– М., 2014. – С. 5.

² Tomahawk Cruise Missile // United States Navy. – URL: <https://www.navy.mil/Resources/Fact-Files/Display-FactFiles/Article/2169229/tomahawk-cruise-missile/>.

³ Gordon, Michael R. Pentagon Seeks Nonnuclear Tip for Sub Missiles // The New York Times. – 2006. – May 29. – URL: <https://www.nytimes.com/2006/05/29/washington/29strike.html>.

Глава 1. Политические основания концепции быстрого глобального удара

1.1 Цели и задачи концепции быстрого глобального удара в исторической перспективе

Впервые контуры концепции БГУ были намечены в Обзоре ядерной политики США 1994 г. В Обзоре отмечается, что «ядерное оружие играет меньшую роль в безопасности США, чем когда-либо после начала ядерной эры». Из этой мысли выводится тезис о необходимости поддержания неядерного (конвенционального) превосходства США «в любом месте, где этого требуют американские оборонные обязательства»⁴.

В Обзоре подчёркивалось, что на протяжении многих лет основанием для поддержания и развития ядерных сил Вашингтона являлось превосходство стран Организации Варшавского договора (ОВД) в обычных вооружениях в Европе. После окончания «холодной войны», однако, схожих по значимости угроз Соединённые Штаты не видели. Более того, в Обзоре ядерной политики прямо указывается, что «мало какие из существующих угроз требуют ответа ядерным оружием»⁵.

Таким образом, уже в 1994 г. на доктринальном уровне был закреплён акцент на развитие неядерного компонента оборонного потенциала США. При более близком рассмотрении документа, однако, становятся заметны и компоненты глобальности и «быстроты». Ссылаясь на Инициативу по противодействию распространению (1993 г.), авторы Обзора указывают на необходимость создания потенциала неядерного ответа на угрозу использования или использование оружия массового уничтожения (ОМУ). Отмечается, что приобретение «неядерного потенциала реагирования на угрозу применения или применение ОМУ далее сокращает зависимость США от ядерного оружия»⁶. Из этих доктринальных положений становилась ясной повестка дня оборонной политики США на ближайшие годы: необходимо было сократить зависимость от ЯО за счёт наращивания конвенционального потенциала, а также создать оружие, которое позволило бы бороться с угрозой ядерного распространения неядерными средствами.

Документы администрации Дж. Буша-мл. в области обороны и ядерной безопасности в основном следовали логике, заложенной при администрации Б. Клинтона. В Обзоре ядерной политики 2002 г. излагается широко известная идея создания «новой триады» взамен ядерной триады, состоящей из наземных, воздушных и морских компонентов. Важно, что «новая триада» должна была включить в себя как ядерные, так и неядерные составляющие. Первым компонентом триады назвали наступательные ударные системы, вторым – оборонительные системы (ПРО), а третьим – оборонную инфраструктуру. Цель при этом оставалась прежней – «сократить зависимость США от ядерного оружия и улучшить способность США сдерживать нападение в условиях

⁴ Nuclear Posture Review // Department of Defense. – 1994. URL: https://fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/95_npr.htm.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

распространения потенциала ОМУ»⁷.

Особый интерес представляет первый компонент «новой триады». По нему ставилась задача создания неядерных ударных сил, включая «неядерные ударные силы и информационные операции».

В Обзоре ядерной политики 2010 г. администрации Обамы сохранился акцент на усиление роли вооружений в обычном оснащении. Согласно документу, после холодной войны США получили возможность значительно сократить зависимость от ядерного оружия и усилить роль неядерного сдерживания при противодействии неядерным угрозам. При этом в документе даётся довольно размытое описание целей и задач БГУ. В частности, указывается, что «любые будущие американские неядерные баллистические ракетные системы большой дальности предназначены для противодействия новым региональным угрозам»⁸.

В дальнейшем акценты изменились. В 2010-е годы США отказались от идеи о явном сокращении роли ядерного оружия в обеспечении безопасности США. Доктринально это проявилось в Обзоре ядерной политики США 2018 г. Администрация Трампа подчеркнула, что именно ядерное сдерживание привело к сокращению конфликтности в ядерную эпоху⁹. Впрочем, понятно, что «возвращение» ядерного фактора стало скорее признаком новой эпохи геополитической напряжённости, начавшейся после 2014 г., чем проявлением волюнтаризма администрации Трампа. Более не использовалась и идея «новой триады». Таким образом, концепция БГУ более не рассматривалась как «новая веха» американского сдерживания и стала оцениваться как один из компонентов неядерного потенциала США. В основном исчезла с повестки дня и идея неядерного ответа на ядерное распространение.

Хотя и официальные документы США, опубликованные после окончания «холодной войны», позволяют понять базовую логику БГУ, они едва ли позволяют ответить на вопрос о том, как концепция БГУ соотносится с конкретными военными задачами США.

Один из ведущих российских специалистов по проблематике оружия массового уничтожения (ОМУ) А.В. Фененко полагает, что концепция БГУ стала результатом длительной эволюции ядерной политики США во второй половине XX века. В качестве непосредственного предшественника концепции БГУ А.В. Фененко рассматривает стратегию «избирательных ударов» администрации президента США Р. Никсона, которая предусматривала поражение ряда целей на территории противника в случае провала стратегии сдерживания¹⁰.

В западных источниках стратегия «избирательных ударов» лучше всего известна как доктрина Шлезингера. Потребность

После холодной войны США получили возможность значительно сократить зависимость США от ядерного оружия и улучшить способность США сдерживать нападение в условиях распространения потенциала ОМУ

⁷ Nuclear Posture Review // Department of Defense. – 2002. – URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Excerpts-of-Classified-Nuclear-Posture-Review.pdf>.

⁸ Nuclear Posture Review // Department of Defense. – 2010. – P. 28. – URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf.

⁹ Nuclear Posture Review // Department of Defense. – 2018. – P. 16-18. – URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>.

¹⁰ Фененко А.В. Концепция «быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 18-50.

в новой стратегии сам Джеймс Шлезингер, министр обороны США в 1973–75 гг., объяснял необходимостью выработки ядерных опций помимо «самоубийства или капитуляции»¹¹. По мнению Шлезингера, в условиях роста потенциала СССР, а также (что особенно важно) других ядерных держав требовались концепции и стратегии, которые не приведут стороны к началу полномасштабной ядерной войны. В трактовке министра это означало стратегию нанесения избирательных ударов, целью которых станут не городские и промышленные центры, а в первую очередь военные объекты, причём в ограниченном количестве¹².

Задачи доктрины Шлезингера имели вполне конкретный характер. Во-первых, минимизация риска полномасштабной эскалации позволяла повысить выживаемость американских «сил второго удара», а также ограничить ущерб гражданскому населению США. Во-вторых, за счёт понижения «ставок» явно повышалась убедительность американского ядерного сдерживания. В-третьих, на доктринальном уровне фактически закреплялась возможность дипломатического решения кризиса, ведь после нанесения избирательных ударов вести переговоры гораздо проще, чем после полномасштабного «ядерного обмена».

А.В. Фененко отмечает, что уже запуск в 1978 г. программы развития ракет Tomahawk (существующих в ядерном и в неядерном оснащении) фактически означал утверждение США концепции поражения стратегических ядерных сил (СЯС) СССР крылатыми ракетами в неядерном оснащении¹³. Впрочем, нельзя не обратить внимание на то, что вопрос о возможности поражения СЯС неядерными средствами остаётся дискуссионным даже спустя почти полвека. Ещё в 2015 г. исследователи из 4-го ЦНИИ МО РФ Д. Ахмеров, Е. Ахмеров и М. Валеев в «Военно-промышленном курьере» писали о бесполезности «одновременного удара высокоточными крылатыми ракетами даже по одному конкретному позиционному району РВСН»¹⁴. Ссылаясь на упомянутую статью военных экспертов, В.З. Дворкин в 2018 г. указывал на то, что «поражающие способности ядерного и неядерного оружия при ударе по высокозащищенным точечным объектам несравнимы», а планирование неядерного удара по СЯС представляется крайне сложным и едва ли поддаётся сокрытию¹⁵.

¹¹ Schlesinger J. R. Defense Department Annual Report // Department of Defense. – 1974. – March 4. – URL: <https://www.airforcemag.com/PDF/MagazineArchive/Documents/2006/February%202006/0206keeperfull.pdf>.

¹² Ibid.

¹³ Фененко А.В. Концепция «быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 25.

¹⁴ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. – 2015. – 19 октября. – URL: <https://vpk-news.ru/articles/27617>.

¹⁵ Дворкин В. Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить // Московский

Тем не менее А.В. Фененко считает, что концепция БГУ 2000-ых годов представляет собой возвращение к упомянутой выше стратегии «избирательных ударов» (англ. selective strike) 1970-ых годов с одним лишь новшеством – чётким отделением «концепций применения неядерного высокоточного оружия от традиционных доктрин ядерного сдерживания»¹⁶. Концепция неядерного быстрого глобального удара (которую чаще всего и понимают под БГУ¹⁷) стала отделяться от идеи глобального удара ядерными силами. При этом А.В. Фененко видит БГУ как инструмент реализации *тех же задач, что до этого возлагались на ядерное оружие*, то есть речь шла «о возможности поражения стратегического потенциала противника или комбинации целей, достаточной для принуждения противника к подписанию выгодного для США мира»¹⁸. Во многом именно характер задач и определяет постулируемую исследователем связку между БГУ и концепциями эпохи «холодной войны»¹⁹.

Альтернативный подход к проблематике БГУ основывается на положении о том, что концепция БГУ стала в первую очередь результатом новой военно-политической ситуации в начале XXI века, а не продолжением идей 1970-х годов. Так, например, в докладе Фонда Карнеги за международный мир 2013 г. на тему БГУ прямо указывается, что веских «доказательств того, что США создают оружие НБГУ для возможного применения против российских и китайских ядерных сил, не существует»²⁰. Второстепенная роль сценария неядерного удара по стратегическим ядерным силам вполне логична с учётом того, что концепция БГУ в современном виде зародилась в начале 2000-х годов, когда конкуренция великих держав не находилась в центре политической повестки дня. Другое дело, что уже после 2014 г. целеполагание в рамках реализации потенциала БГУ в самом деле могло измениться в направлении постановки задач более стратегического характера (по сравнению с ранним этапом развития концепции, когда акцент делался на противодействии ядерному нераспространению и терроризму), о чём ещё будет сказано в дальнейшем.

Иллюстрация работы систем быстрого глобального удара

Источник: topwar.ru

Центр Карнеги. – 2018. – 28 ноября. – URL: <https://carnegie.ru/2018/11/28/rupub-77809>.

¹⁶ Фененко А.В. Концепция «быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 32.

¹⁷ По сути, БГУ может наноситься как ядерными, так и неядерными силами. Другое дело, что ядерная версия концепции БГУ действительно существовала ещё в 1970-е годы в форме стратегии «избирательных ударов», в связи с чем в 2000-ые годы под БГУ чаще всего понимался именно удар конвенциональными силами. Именно во избежание путаницы многими экспертами используется аббревиатура НБГУ (англ. CPGS).

¹⁸ Фененко А.В. Концепция «быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 35.

¹⁹ Таковую связку ни в коем случае не отрицают другие эксперты; в работах А.В. Фененко ей лишь уделяется большее внимание.

²⁰ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 12.

Вопрос о возможности уничтожения ядерных сил противника неядерными средствами остаётся дискуссионным даже сегодня

Имеются основания полагать, что американская концепция БГУ изначально создавалась скорее с целью придания конвенциональным системам вооружений стратегических свойств «на всякий случай», чем для достижения каких-то конкретных военных задач. И действительно: в докладе Фонда Карнеги даётся прямое указание на то, что по состоянию на 2013 г. в Министерстве обороны США доктринальных решений касательно применения БГУ принято не было²¹. С учётом того, что Соединённые Штаты и без БГУ могут успешно решать большую часть задач неядерными средствами, доктринальная неопределённость миссии БГУ вполне понятна. Вероятно, в этом же во многом кроется объяснение того, почему столь несущественным оказался прогресс в области реализации потенциала БГУ за 20 лет существования концепции²².

При рассмотрении возможных применений БГУ Дж. Эктон, как и А.В. Фененко, упоминает (хоть и вскользь) сценарий реагирования на советскую (российскую) ядерную угрозу – то есть применения стратегических ракет, оснащённых неядерными боеголовками, для поражения стратегических объектов. Так, например, как указывает Эктон, в 1980-х годах американские исследователи отмечали, что в условиях повышения точности средств доставки для нанесения ударов по советским аэродромам или промышленным предприятиям ядерное оружие просто больше не требуется²³. При этом, однако, до реальных попыток создания соответствующего потенциала на тот момент дело не дошло; к тому же, как уже было отмечено выше, вопрос о возможности уничтожения ядерных сил противника неядерными средствами остаётся дискуссионным даже сегодня.

В 1990-х годах в условиях известных изменений на международной арене сценарий реагирования на советскую ядерную угрозу трансформировался в сценарий ответа на ядерные угрозы преимущественно регионального характера. Отсюда и акцент на противодействие ядерному распространению в доктринальных документах администрации Клинтона.

Можно выделить несколько ключевых аспектов возросшей актуальности НБГУ в «ядерных сценариях» после 1991 г. – как в контексте борьбы с ядерным распространением, так и в контексте возможности нестратегических конфликтов с ядерными державами.

Во-первых, реальные и мнимые ядерные угрозы США после окончания «холодной войны» исходили от государств (и потенциально негосударственных акторов), которые обладали ядерным арсеналом (или могли приобрести ядерный арсенал) в разы меньше арсенала самих Соединённых Штатов. В таких условиях перевод конфликта на ядерный уровень просто представляется нецелесообразным.

Во-вторых, определённую роль сыграло и просто изменение военно-политического дискурса. Сценарий полномасштабной

²¹ Там же, с. 11.

²² В частности, А.В. Фененко говорит о проблемах «невозможности создать космическое оружие и нанести контрсиловой удар, который гарантировал бы поражение всех стратегических объектов противника». Такое объяснение, впрочем, вытекает из уже описанной ранее гипотезы о стратегических целях БГУ. См. Фененко А.В. Концепция «быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – № 4. – С. 18-50.

²³ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 14-15.

войны с неконтролируемой эскалацией ушёл с повестки дня и в принципе остаётся по большей части за её пределами даже сегодня. В результате в центре внимания оказываются системы вооружений с меньшей поражающей силой.

В конце концов, стремление СССР и США к усилению стратегических ядерных сил (СЯС) на протяжении большей части «холодной войны» привело к тупику практической неприменимости существующих систем вооружений. С одной стороны, ЯО не позволяло достичь реальных военных целей в силу слишком большой поражающей силы в случае локального или регионального противостояния²⁴ и неясности дальнейших шагов после потенциального нанесения удара стратегическими ядерными силами в случае глобального конфликта. С другой стороны, с годами стали говорить о понижении убедительности (англ. *credibility*) ядерного сдерживания в силу многолетнего воздержания ядерных держав от применения ЯО. Как отмечает Д.В. Тренин, «общественное сознание считает неприемлемым уже любое применение ядерного оружия против крупного города». По мнению эксперта, «такой новый взгляд на последствия ядерных ударов и, соответственно, на войну с применением ядерного оружия во многом обесценивает понятия стратегического баланса и военно-стратегического паритета»²⁵. В этих условиях рациональным стало формирование убедительного потенциала неядерного сдерживания, который мог бы укрепить концепцию сдерживания как таковую.

Дж. Эктон считает, что БГУ предназначена для решения «контрядерных задач», подчёркивая, что речь идёт о «лишении нарушителя режима нераспространения... возможности использовать атомное оружие», а не о противодействии признанным ядерным державам²⁶. В контексте изучения развития концепции БГУ в 1990-х и 2000-х годах эту логику вполне можно принять – однако с поправкой на то, что потенциал НБГУ расширял возможности США и в отношении тех самых признанных ядерных держав, что очевидно учитывалось в военном планировании США и не могло не вызывать беспокойство Москвы и Пекина²⁷.

После событий 11 сентября 2001 г. другой потенциальной сферой применения БГУ стала борьба против терроризма. Дж. Эктон приводит два базовых сценария использования БГУ против террористов. Во-первых, в США всерьёз рассматривался вопрос о применении БГУ для нанесения ударов по лидерам террористических группировок в ходе их встреч, о чём чаще всего

²⁴ Известное свидетельство признания неприменимости ЯО в условиях локальных и региональных конфликтов представителем американской военно-политической элиты – статья бывшего заместителя министра обороны США П. Нитце для *The Washington Post*, опубликованная в 1994 г. См. Nitze Paul H. Is It Time to Junk Our Nukes? The New World Disorder Makes Them Obsolete // *The Washington Post*. – 1994. – January 16. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1994/01/16/is-it-time-to-junk-our-nukes-the-new-world-disorder-makes-them-obsolete/e3580886-a891-462f-98bc-b3deaf07fddb/>.

²⁵ Тренин Д.В. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Московский Центр Карнеги. – 2019. – С. 7. – URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Trenin_Russian_FINAL.pdf.

²⁶ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон; Под ред. Е. Мясникова; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 15.

²⁷ Здесь можно проследить аналогию с развивавшимися в тот же период планами по развёртыванию американских систем противоракетной обороны (ПРО) в Европе. Хотя и ПРО, и концепция БГУ с высокой долей вероятности не были направлены против России, они не могли не повлиять на восприятие Москвой международных военно-политических угроз.

говорили в контексте многолетних безуспешных попыток США ликвидировать Усаму бен Ладена²⁸. Во-вторых, рассматривалась возможность оперативного уничтожения (конвенциональными силами), принадлежащего террористам ОМУ в случае его обнаружения.

Наконец, последний сценарий, который приводит Дж. Эктон, – применение БГУ против «асимметричных угроз», к которым исследователь относит в первую очередь противоспутниковое оружие и средства противодействия / воспреещения доступа (англ. anti-access/area-denial systems; A2/AD)²⁹. В данном случае речь идёт уже о военном конфликте с крупной державой, которая, однако, отстаёт от США по ряду традиционных показателей и готова задействовать альтернативные (военные и невоенные) средства для того, чтобы воспользоваться слабостями США. Существуют серьёзные основания полагать, что главным источником асимметричных угроз в Вашингтоне считают Китай.

В частности, в США уже долгое время обвиняют Пекин в создании потенциала A2/AD для противодействия Соединённым Штатам в прилегающих к Китаю морских районах. Эта проблема особенно актуальна в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море³⁰. Стремление США обеспечить безопасность собственных Военно-морских сил (ВМС) в западной части тихоокеанского пространства в таких условиях представляется важным мотивом военно-политического планирования. В частности, генерал ВВС США в отставке Р. Келер на слушаниях в Конгрессе в 2015 г. заявлял, что в условиях противодействия или воспреещения доступа потенциал неядерного быстрого удара «укрепит стратегическое сдерживание и улучшит способность [США] быстро реагировать на возникающие угрозы путём нанесения удара по ограниченной, но жизненно важной цели или набору удалённых крайне ценных целей»³¹.

Существуют и альтернативный подход к задачам БГУ. На слушаниях в Конгрессе США по вопросу БГУ в 2015 г. такой подход представил Т. Шебер. Он выделил четыре базовых функции БГУ в широком контексте внешней и оборонной политики США³².

Первая функция – сдерживание противников. Не говоря, о каких именно противниках идёт речь, Т. Шебер подчеркнул, что в ряде случаев неядерное сдерживание более убедительно, чем сдерживание ядерное. Данный аргумент уже был рассмотрен выше в рамках дискуссии, посвящённой контрядерной задаче БГУ. Вторая функция – предоставление гарантий союзникам. По мнению Т. Шебера, потенциал БГУ позволит смягчить обеспокоенность союзников США в нестабильных регионах, возникшую в

²⁸ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон; Под ред. Е. Мясникова; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 19–20.

²⁹ Там же, с. 21.

³⁰ См. Ngo Minh Tri China's A2/AD Challenge in the South China Sea: Securing the Air From the Ground // The Diplomat. – 2017. – May 19. URL: <https://thediplomat.com/2017/05/chinas-a2ad-challenge-in-the-south-china-sea-securing-the-air-from-the-ground/>; Biddle S., Oelrich I. Future Warfare in the Western Pacific: Chinese Antiaccess/Area Denial, U.S. AirSea Battle, and Command of the Commons in East Asia // International Security 1 July 2016; 41 (1): P. 7–48.

³¹ Hearing Before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // House of Representatives. – 2015. – December 8. – P. 3. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg98278/pdf/CHRG-114hhrg98278.pdf>.

³² Hearing Before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // House of Representatives. – 2015. – December 8. – P. 5. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg98278/pdf/CHRG-114hhrg98278.pdf>.

результате сокращения американских ядерных вооружений и наращивания потенциала ОМУ противниками США.

Третья функция БГУ по Шеберу – предотвращение гонки стратегических вооружений. Эксперт считает, что потенциал БГУ позволит продемонстрировать миру «технологическую мощь» и «решимость» США и за счёт этого лишит противников надежд на получение превосходства над Вашингтоном. При этом, правда, не учитывается тот факт, что произошедшая в 2010-е годы «привязка» БГУ к разработке и испытаниям Россией и Китаем гиперзвуковых вооружений сама по себе подтолкнула гонку вооружений³³. Лишь четвертую функцию БГУ Т. Шебер связывает непосредственно с ведением боевых действий: потенциал БГУ может стать «уникальной стратегической возможностью» в случае провала политики сдерживания³⁴.

Выводы

Хотя концепция БГУ действительно во многом основывается на наработках второй половины «холодной войны», в своём нынешнем виде идея неядерного быстрого глобального удара предстала лишь в результате трансформации международно-политической ситуации, произошедшей в 1990-е и 2000-е годы. Даже в условиях явного нежелания военно-политического руководства США раскрывать направления возможного применения БГУ можно утверждать, что главных направлений два – нанесение «контрядерного удара» и противодействие российскому и китайскому потенциалу асимметричной борьбы. Возможное применение БГУ в борьбе против террористов уходит на задний план. При этом утверждение о ненаправленности БГУ против ядерных сил России и КНР, вероятнее всего, соответствует действительности, так как Вашингтон явно не испытывает недостатка в средствах ведения войны на ядерном уровне. На текущем этапе эволюции международной системы в качестве главной потенциальной цели БГУ следует рассматривать китайский потенциал ведения асимметричной войны – в частности, имеющиеся у КНР средства противодействия / воспрепятствования доступа (A2/AD). При этом, однако, стоит помнить, что значительная доля дискуссии внутри США относительно целей БГУ сосредоточена скорее вокруг функции сдерживания, чем вокруг реального боевого применения.

1.2 Концепция быстрого глобального удара в американском внутривнутриполитическом процессе

В целом препятствия к реализации БГУ можно разделить на три категории. Во-первых, это неубедительность попыток сторонников концепции БГУ убедить членов Конгресса и американскую общественность в том, что США вообще нуждаются

³³ О наличии отставания США от России и Китая в области гиперзвуковых вооружений говорит, например, американский эксперт Э. Вулф. См. Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 1. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

³⁴ Hearing Before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // House of Representatives. – 2015. – December 8. – P. 5. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhrg98278/pdf/CHRG-114hhrg98278.pdf>.

Значительная доля дискуссии внутри США относительно целей БГУ сосредоточена скорее вокруг функции сдерживания, чем вокруг реального боевого применения

Три главные препятствия к реализации БГУ:

- 1) неубедительность того, что США нуждаются в потенциале БГУ;
- 2) опасения относительно негативных последствий;
- 3) нежелание Конгресса повышать расходы на соответствующие программы

в потенциале неядерного быстрого глобального удара. Вторых, это опасения американских экспертов и законодателей относительно негативных последствий развития потенциала БГУ (в т. ч. в сфере поддержания стратегической стабильности и предотвращения военных инцидентов). В-третьих, реализация потенциала БГУ нередко «буксовала» из-за простого нежелания Конгресса повышать расходы на соответствующие программы Министерства обороны.

Впервые вопрос о финансировании проектов в рамках концепции БГУ возник при формировании бюджета на 2003 и 2004 финансовые годы. Если в 2003 г. запрос на финансирование программы Военно-морских сил (ВМС) США был отклонён Конгрессом («инициатива E2», англ. enhanced effectiveness initiative), то в 2004 г. Конгресс отказался финансировать инициативу E2, но в итоге всё-таки утвердил предоставление администрации Буша более чем 17 миллионов долларов на исследования в области создания гиперзвукового потенциала для Военно-воздушных сил (ВВС) США³⁵. Однако такое финансирование было обставлено рядом условий. В Конгрессе были всерьёз обеспокоены проблемой того, что ракета с конвенциональным боезарядом может быть принята Россией или Китаем за ракету с ядерным зарядом («проблема неопределённости», англ. missile ambiguity). Палата представителей потребовала от ВВС США подготовить доклад о том, как эта проблема может быть преодолена. Также было выдвинуто требование о подготовке ежегодного доклада, в котором бы, в частности, рассматривались военные цели, против которых может применяться БГУ, а также оценивался необходимый для БГУ военный потенциал, как и стоимость и скорость реализации проектов в рамках БГУ³⁶.

В бюджете на 2005 г. Конгресс расширил финансирование НИ-ОКР ВВС в области БГУ, однако вновь выразил обеспокоенность по поводу «проблемы неопределённости». В результате исследования в области гиперзвукового потенциала было решено проводить лишь с условием их невоенного характера. Было отдельно отмечено, что расширение программы с целью включения в неё также военного компонента возможно лишь после утверждения международных гарантий, которые бы были выработаны совместно с партнёрами США³⁷.

В бюджетах на 2006 и 2007 финансовые годы Конгресс США продлил финансирование программы в области разработки гиперзвуковых вооружений. При этом ограничения, введённые в 2005 г., остались в силе: исследования в области военного применения технологий не финансировались. В 2007 г. Конгресс выделил средства на реализацию программы в области оснащения носителей ВВС США неядерными боезарядами (программа конвенциональных баллистических ракет, англ. conventional ballistic missile (CBM) program). Дополнительные условия или требования Конгрессом не выдвигались.

В 2006–2007 гг. стало ясно, что дальнейшее финансирование «гиперзвукового проекта» требует принятия новых решений. Этап НИОКР подходил к завершению, а переход к этапу

³⁵ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 23. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

³⁶ Ibid., p. 23–24.

³⁷ Ibid., p. 24.

производства означал значительное повышение расходов. Вновь актуальным становился вопрос о способности ВВС США решить «проблему неопределённости». При этом американские военные и политики пришли к выводу о том, что проект ВВС будет реализован не скоро и также не в полной мере соответствует миссии БГУ. В фокусе внимания оказались концептуальные наработки ВМС, финансирование которых ранее отклонялось; в этот раз в финансировании, однако, вновь отказали. Возникла та же проблема, что и ранее в случае с проектами ВВС: Конгресс требовал от ВМС решить «проблему неопределённости». В Сенате от администрации Дж. Буша-мл. потребовали подготовить доклад о преодолении «проблемы неопределённости» и предлагали выделить часть согласованного бюджета лишь после предоставления этого доклада Конгрессу; от последнего требования, впрочем, в итоге было решено отказаться. В итоге ВМС получили лишь крайне незначительную сумму на исследования и разработки³⁸.

В рамках бюджета на 2008 финансовый год Конгресс принял решение объединить финансирование всех проектов в области БГУ в единое направление. Таким образом, выделение специальных финансовых ресурсов на исследования гиперзвукового потенциала, а также на другие отдельные компоненты проекта FALCON (англ. Force Application and Launch from Continental United States) было прекращено. Более того, объединив разные направления исследований в одно, Конгресс предоставил военным лишь 100 миллионов долларов на финансовый год, что составляло менее половины запрошенной суммы. Все попытки администрации расширить финансирование провалились. Комитет Палаты представителей по делам Вооружённых сил выражал обеспокоенность как в связи с «проблемой неопределённости», так и в связи с неясностью возможностей оперативного применения БГУ³⁹.

На 2009 финансовый год Пентагон запросил почти в два раза меньше средств на развитие БГУ, чем на 2008 год. Тем не менее и из этих средств (117,6 миллиона долларов) военные получили лишь три четверти. На 2010 г. Министерство обороны запросило уже большее финансирование БГУ (166,9 миллиона долларов) – и на этот раз запрос был удовлетворён в полном объёме. Финансирование на 2011 г. сохранилось на уровне 2010 г.⁴⁰ При подготовке бюджета на 2012 финансовый год запрошенную Пентагоном сумму (204,8 миллиона долларов) в Конгрессе пытались урезать в два раза. Представители Комитета Палаты представителей по вопросам Вооружённых сил выражали недовольство в связи с неудачными испытаниями гиперзвукового управляемого боевого блока НТВ-2. Законодатели считали неприемлемым стремление Министерства обороны получить финансирование на производство систем вооружений, которые к тому моменту ещё не доказали свою эффективность. Помимо этого, в Комитете выступали против слишком узкого подхода Пентагона к реализации потенциала БГУ и настаивали на необходимости разработки альтернативных систем вооружений для неядерного быстрого глобального удара. В итоге Министерство обороны получило на цели БГУ 179,8 миллионов долларов, хотя Комитет Палаты представителей по ас-

³⁸ Ibid., p. 24-25.

³⁹ Ibid., p. 25-27.

⁴⁰ Ibid., p. 28.

сигнованиям настаивал на предоставлении лишь 104,8 миллионов долларов⁴¹. На 2013 финансовый год Конгресс выделил на проект БГУ даже больше средств, чем запрашивал Пентагон (так как и сам Пентагон запросил значительно меньшую сумму)⁴².

На 2014 финансовый год Министерство обороны США запросило на цели БГУ всего 65,4 миллиона долларов, объяснив сокращение систематическим недофинансированием предыдущих разработок и переориентацией приоритетов на такие бюджетные альтернативы, как разработка ракет средней дальности для подводных лодок. Запрошенное финансирование Конгресс предоставил, однако потребовал от Пентагона подготовить доклад о ситуации вокруг «проблемы неопределённости» в контексте разработки БРПЛ для целей БГУ. Также у Министерства обороны запросили доклад, в котором бы сравнивались ценовые характеристики БРПЛ для БГУ и альтернативных проектов⁴³. Важно отметить, что переключение внимания Пентагона на разработку ракет средней дальности для подводных лодок представляло собой отход от идеи «глобальности» БГУ: неядерный быстрый глобальный удар фактически превратился в просто неядерный быстрый удар. Эта тема будет подробнее рассмотрена в следующей главе. В бюджете на 2015 г., который тоже составил менее 100 миллионов долларов, акцент, как и в предыдущем бюджете, был смещён с проекта гиперзвукового НТВ-2 на программы менее глобального характера⁴⁴. Бюджет БГУ на 2016 г. составил менее 90 миллионов долларов и мало чем отличался от предыдущего⁴⁵.

Потом же ситуация стала меняться. В декабре 2015 г. в Комитете Палаты представителей по вооружённым силам прошли слушания, полностью посвящённые проблематике БГУ⁴⁶. Вопрос о военных целях быстрого глобального удара уже не поднимался. На первый план вышла необходимость «догнать и перегнать» Китай и Россию, которые, как отмечали участники слушаний, уже давно обошли США по соответствующим видам вооружений. Член Палаты представителей М. Роджерс говорил, что Китай «только в этом [2015] году шесть раз испытал гиперзвуковое оружие»⁴⁷. Независимый консультант Т. Шебер перечислял все угрожающие США и американским союзникам китайские системы вооружений⁴⁸ и указывал на стремление Китая установить контроль над западной частью Тихого океана⁴⁹.

Министерство обороны стало запрашивать для целей БГУ всё большие суммы, причём Конгресс стал гораздо охотнее эти запросы удовлетворять. На 2017 финансовый год Пентагон запросил 181,3 миллиона долларов и получил всю запрошенную сумму. На 2018 г. с учётом дополнительного финансирования выделили 374,9 миллиона долларов, что стало абсолютным рекордом с момента появления концепции БГУ. Политические условия уже не выдвигались: Конгресс лишь давал рекомендации

⁴¹ Ibid., p. 28-29.

⁴² Ibid., p. 29-30.

⁴³ Ibid., p. 30-31.

⁴⁴ Ibid., p. 31.

⁴⁵ Ibid., p. 32.

⁴⁶ Hearing Before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // House of Representatives. – 2015. – December 8. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hhr98278/pdf/CHRG-114hhr98278.pdf>.

⁴⁷ Ibid., p. 8.

⁴⁸ Ibid., p. 9.

⁴⁹ Ibid., p. 75.

относительно сроков реализации конкретных проектов⁵⁰. На 2019 г. Министерство обороны запросило 278 миллионов долларов, а Конгресс предоставил 413,4 миллиона – с целью ускорения программы. Расширение финансирования объясняли успехами других государств в развитии гиперзвуковых вооружений⁵¹.

На бюджет на 2020 финансовый год пришлось важные институциональные и концептуальные изменения. Программа развития потенциала быстрого глобального удара была передана в ведение ВМС США и стала финансироваться через программу развития высокоточного оружия. На цели БГУ выделили 512,2 миллиона долларов, хотя и в Палате представителей указали на слишком большие темпы роста финансирования программы.⁵² Включение БГУ в одну из программ ВМС США означало снижение важности концепции БГУ как таковой: проекты, существующие в рамках неё, стали всё больше развиваться в отрыве от тех идей, которые легли в основу концепции в начале 2000-ых годов. Тем не менее идея БГУ процветает: на 2021 финансовый год ВМС получили 1,03 миллиарда долларов на развитие потенциала БГУ. Объединённому комитету начальников штабов поручили подготовку доклада, посвящённого механизму, целям и рискам применения гиперзвукового оружия⁵³.

Как видно из хронологии политического процесса вокруг проблематики БГУ, потенциал быстрого глобального удара разрабатывался как при республиканских, так и при демократических администрациях. Вероятно, двухпартийный характер проекта в значительной степени сократил остроту противостояния вокруг него.

Недовольство республиканцев в период президентства Б. Обамы вызывало в первую очередь стремление демократической администрации сократить роль ядерного оружия в американском сдерживании, усилив роль компонента БГУ. В 2010 г. сенатор Дж. Маккейн на слушаниях в Конгрессе заявлял, что «конвенциональные вооружения никак не могут заменить ядерное оружие». Маккейн полагал, что потенциал БГУ может лишь дополнить, но никак не заменить американское ядерное сдерживание⁵⁴. Ещё одним источником беспокойства республиканцев был вопрос о том, как на БГУ повлияют соглашения в области контроля над вооружениями. В частности, в год подписания Договора о СНВ сенатор от Республиканской партии Дж. Тьюн поднимал вопрос о том, не придётся ли США ещё сильнее сократить стратегические ядерные вооружения, чтобы развивать потенциал БГУ в рамках участия в Договоре⁵⁵.

⁵⁰ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 32-33. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

⁵¹ Ibid., p. 33.

⁵² Ibid., p. 34.

⁵³ Ibid., p. 34.

⁵⁴ Hearing Before the Committee on Armed Services // United States Senate. – 2010. – April 22. – P. 4. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-111shrg63689/pdf/CHRG-111shrg63689.pdf>.

⁵⁵ Ibid., p. 33.

Если республиканцы не желали ограничивать роль ЯО в оборонной политике США, то демократы опасались возможных противоречий между БГУ и контролем над вооружениями

Демократов также беспокоила проблематика контроля над вооружениями. Во-первых, именно демократы сыграли значительную роль в обсуждении «проблемы неопределённости» на ранних этапах разработки концепции БГУ и указывали на риск неверной идентификации носителя с неядерной боеголовкой Россией или Китаем. Во-вторых, демократы и приближённые к демократам аналитические центры стали явно продвигать повестку контроля над вооружениями в противовес БГУ в период администрации Д. Трампа. Дело в том, что в условиях произошедшей эволюции приоритетов в рамках концепции БГУ (о этой эволюции будет сказано в следующей главе) разрабатываемые США вооружения БГУ оказались в категории ракет средней и меньшей дальности, которые были запрещены в 1987 г. Так, например, в мае 2019 г. на сайте Ассоциации по контролю над вооружениями вышла статья «Трамп увеличивает бюджет на запрещённые ракеты» (англ. Trump Increases Budget for Banned Missiles), в которой подвергаются критике и решение о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), и разработка новых ракет⁵⁶.

Выводы

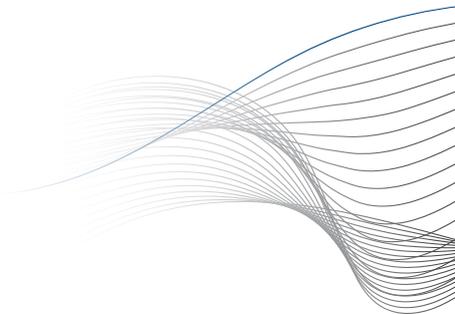
Дискуссии и политические решения вокруг проблематики БГУ можно разделить на несколько этапов. Первый этап – период нахождения на посту президента Дж. Буша-мл. В этот период реализация концепции БГУ финансировалась, концепция представлялась свежей и актуальной, однако Конгресс относился к БГУ довольно скептически и всегда находил повод ограничить финансирование соответствующих проектов и программ. Второй этап приходится на практически все годы президентства Б. Обамы. Финансирование концепции БГУ было, как и ранее, не очень щедрым, в связи с чем в Министерстве обороны были вынуждены сменить приоритеты. Третий этап начался в 2017 г. и продолжается по сей день: на цели БГУ выделяется всё больше денег, а Конгресс пытается не урезать запрашиваемое Пентагоном финансирование, а наоборот расширить его.

Хотя и проект БГУ имеет двухпартийный характер, его реализация вызывала критику и со стороны республиканцев, и со стороны демократов. Если первые не желали ограничивать роль ЯО в оборонной политике США, то вторые опасались возможных противоречий между БГУ и контролем над вооружениями.

На протяжении долгого времени Конгресс сохранял обеспокоенность по поводу повышенного риска эскалации конфликта с Россией и Китаем в случае применения БГУ из-за «проблемы неопределённости». Наличие такой обеспокоенности в тот период представляется важным политическим фактором: в 2000-е годы и в начале 2010-х годов Конгресс всерьёз учитывал международные политические риски в контексте финансирования потенциала БГУ. Однако важно подчеркнуть, что на самом деле «проблема неопределённости» – лишь один из целого ряда вызовов БГУ для стратегической стабильности. Эти вызовы в Конгрессе по большей части игнорировали. Другая причина скептического отношения Конгресса к концепции БГУ в 2000-е годы и в начале

⁵⁶ Reif K. Trump Increases Budget for Banned Missiles // Arms Control Today. – 2019. – May. – URL: <https://www.armscontrol.org/act/2019-05/news/trump-increases-budget-banned-missiles>.

2010-х годов – неясность боевого предназначения потенциала БГУ. Как было отмечено ранее, американские военные с большой неохотой раскрывали конкретные аспекты будущего применения планировавшихся и разрабатывавшихся в рамках концепции БГУ систем вооружений. Не может не вызывать беспокойства тот факт, что мотивы разработки потенциала БГУ с начала 2000-х годов существенно трансформировались. Если изначально в кулуарах всё-таки говорили о вполне конкретном боевом применении БГУ (противодействие ядерному распространению, борьба с терроризмом, реагирование на асимметричные угрозы), то со временем речь пошла скорее о необходимости «догнать и перегнать» Россию и Китай. Расширенная логика достаточной обороны явно уступила место логике гонки вооружений.

Глава 2. Военно-технические аспекты концепции быстрого глобального удара

Обобщая, можно выделить несколько классификаций направлений деятельности США в контексте развития БГУ. Во-первых, можно разделить все начинания на проекты, которые осуществляются ВВС США, ВМС США и Сухопутными войсками (СВ) США. При этом основная «нагрузка» по реализации концепции БГУ распределена между ВВС и ВМС с преобладающей ролью ВВС. Во-вторых, можно выделить основные изначальные направления разработок с точки зрения характеристик систем вооружений:

- гиперзвуковые планирующие боевые блоки;
- гиперзвуковые крылатые ракеты (например, НТВ-2, англ. Hypersonic Technology Vehicle 2);
- маневрирующие боевые блоки баллистических ракет, возвращающиеся в плотные слои атмосферы и оснащенные ими ранее существовавших ракетных систем.

Несмотря на возможность относительно чёткого разделения проектов в рамках концепции БГУ на сущностные категории, автор настоящей работы придерживается хронологического подхода к анализу военно-технической реализации БГУ. Это позволяет более чётко понять связь между разными проектами в рамках БГУ, а также увязать военно-технический аспект БГУ с рассмотренными в предыдущей главе политическими обстоятельствами в конкретные периоды времени.

2.1 Реализация концепции быстрого глобального удара при администрации Дж. Буша-мл.

С точки зрения соотношения издержек и выгод наиболее эффективным способом достижения потенциала БГУ при Буше-мл. считали оснащение межконтинентальных баллистических ракет неядерными маневрирующими боевыми блоками. Причиной тому – низкая стоимость: не требовалась разработка новых носителей – речь шла лишь о создании неядерной боеголовки.

Идея оснащения ракет неядерными боеголовками прорабатывалась как в отношении МБР, так и в отношении БРПЛ. В категории БРПЛ речь шла о ракетах Trident (проект Conventional Trident Modification); в категории МБР – о ракетах Minuteman и Peacekeeper.

В дальнейшем от идеи оснащения МБР неядерными боезарядами фактически отказались, и вся работа по данному направлению свелась к проекту неядерной модификации БРПЛ Trident II. Объяснить сделанный выбор можно довольно просто. Во-первых, США и в рамках ядерной стратегии всегда делали ставку на БРПЛ в силу скрытности и низкой уязвимости подводных лодок. Выбор БРПЛ, таким образом, вероятно, был обусловлен теми же мотивами, что и в ситуации с выбором носителей ядерного оружия, а также эффектом колее. Во-вторых, МБР явно лишали Вашингтон той гибкости, ради которой и была задумана концепция БГУ как таковая. В силу расположения ракет непосредственно на территории США может возникнуть проблема согласования траектории ракеты с третьими странами. В таком случае теряется «быстрота» БГУ, представляющая собой одно из

ключевых требований к потенциалу быстрого глобального удара.

Для целей создания неядерной версии БРПЛ Trident за основу взяли маневрирующие боеголовки, разработанные в первые годы администрации Буша-мл. в рамках ранее упомянутой программы E2 (англ. Enhanced Effectiveness)⁵⁷. С институциональной точки зрения соответствующие разработки находились в ведении ВМС.

С начала 2000-х годов США инвестировали средства и в альтернативный проект ВМС SLIRBM (Submarine Launched Intermediate Range Ballistic Missile). Речь шла о создании гиперзвуковой ракеты средней дальности, которая могла бы преодолевать расстояние в 1 500 миль (2 400 км)⁵⁸. В отличие от неядерной модификации Trident II, проект SLIRBM не был нацелен на переоборудование подводных лодок, оснащённых ядерными боезарядами. Из этого следовали как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, ракету было сложнее спутать с ядерной: предполагалось запускать её с подводных лодок, не способных переносить ядерное оружие, а траектория ракеты значительно отличалась бы от траектории ракеты, оснащённой ядерным боезарядом. С другой стороны, невозможность размещения ракеты на подводных лодках, ранее оснащённых БРПЛ, явно ограничивала возможности ВМС по использованию ракеты⁵⁹. Ракета средней дальности не в полной мере соответствует идее «глобальности» БГУ: чтобы достичь по-настоящему глобального охвата при дальности 2400 км, США бы потребовалось разместить подводные лодки с соответствующими ракетами по всему миру.

Хотя и неядерная модификация Trident II, судя по всему, рассматривалась в качестве наиболее перспективного направления, уже при администрации Дж. Буша-мл. США стали вкладывать деньги в исследования и разработки в области планирующих боевых блоков. О таких системах в Вашингтоне задумывались и ранее – просто теперь речь зашла об оснащении соответствующих ракет уже неядерными зарядами. Принципиальная особенность планирующих боевых блоков – способность к маневрированию (причём не только на этапе снижения, но и на среднем участке траектории). Что это означало в контексте реализации проекта?

Фактически для планирующих боевых блоков не существовала проблема согласования траектории движения ракеты с государствами, не являющимися союзниками США, так как эту траекторию можно корректировать. В результате у Вашингтона в рамках данного направления не было причин делать ставку только на ракеты морского базирования – размещение планирующих боевых блоков непосредственно на территории США представлялось вполне возможным и не было сопряжено с существенными рисками. Важно понимать, что этот фактор сыграл и институциональную роль: исследования и разработки в области планирующих боевых блоков осуществлялись под эгидой ВВС – а не ВМС, как было в случае работы над неядерными модификациями уже существовавших ракет.

⁵⁷ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 56.

⁵⁸ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 21-22. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

⁵⁹ Ibid.

Американская трёхступенчатая баллистическая ракета четвёртого поколения UGM-133A Трайдент II («трезубец»)

Источник: www.russiancouncil.ru

Так в 2003 г. зародился проект FALCON (англ. Force Application and Launch from Continental United States), подведомственный ВВС США и Управлению перспективных научных исследований Министерства обороны США (англ. DARPA, Defense Advanced Research Projects Agency). В отличие от проекта модификации боеголовок для БРПЛ, проект FALCON находился на более низком уровне технической реализации и рассматривался в качестве направления работы на более долгосрочную перспективу⁶⁰.

В том же 2003 г. в рамках проекта FALCON объявили ряд конкурсов. Девять американских оборонных предприятий (AirLaunch LLC, Andrews Space Inc., Exquadrum Inc., KT Engineering, Lockheed Martin Corp., Microcosm Inc., Orbital Sciences Corp., Schafer Corp., Space Exploration Technologies) получили контракт первой фазы (Phase I) в рамках проекта SLV (англ. Small Launch Vehicle). Контракт первой фазы (Phase I) по разработке гиперзвуковой системы вооружений (англ. HWS, Hypersonic Weapon System) получили лишь 3 компании (Andrews Space Inc., Lockheed Martin Corp., Northrop Grumman Corp.)⁶¹.

В августе 2004 г. корпорация Lockheed Martin стала единственным исполнителем в рамках второй фазы (Phase II) конкурса на разработку гиперзвуковых систем⁶². Таким образом, DARPA и ВВС США выбрали проект летательного аппарата CAV (Common Aero Vehicle), который затем превратится в уже упомянутый проект гиперзвукового летательного аппарата HTV-2 (Hypersonic Technology Vehicle 2)⁶³. Проект HTV-1 тоже существовал, однако не дошёл до этапа лётных испытаний – из-за выявленных конструктивных недостатков было решено сразу перейти к испытаниям аппарата HTV-2 с большей дальностью (около 17 000 км⁶⁴).

С точки зрения соотношения трёх направлений в рамках реализации концепции БГУ важную роль сыграл момент принятия бюджета США на 2007 г. Как было указано ранее, модификация БРПЛ (в первую очередь ракеты Trident) изначально рассматривалась в качестве более дешёвого и приближенного к реальности проекта по сравнению с прототипами вооружений, которые развивались в рамках FALCON. Однако Конгресс США несколько лет подряд блокировал выделение финансирования на военно-морской компонент БГУ⁶⁵ – в результате на первый план вышел именно проект FALCON, развиваемый ВВС США и DARPA.

Начиная с бюджета 2006 г., США стали давать средства в рамках БГУ Сухопутным войскам – к 2008 г. финансирование приобрело существенные масштабы, что объяснялось задачей диверсификации вложений⁶⁶. СВ США разрабатывали

⁶⁰ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 57.

⁶¹ DARPA And Air Force Select Falcon Phase I Contractors // Space Daily. – 2003. – November 18. – URL: <https://www.spacedaily.com/news/rocketscience-03zzi.html>.

⁶² United States of America USAF / DARPA FALCON Program // Air Attack. – 2019. – May 21. – URL: <https://www.air-attack.com/united-states-of-america-usaf-darpa-falcon-program/>.

⁶³ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 56-57.

⁶⁴ Там же, с. 61.

⁶⁵ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 24-25. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

⁶⁶ Ibid., p. 17-18.

гиперзвуковой летательный аппарат АНВ (англ. Advanced Hypersonic Weapon), по большей части аналогичный проекту ВВС (за исключением планируемой дальности, составлявшей 8 000 км⁶⁷). Что характерно, данный проект продвигался Конгрессом; администрация Дж. Буша-мл. делала ставку на FALCON и пыталась перекрыть финансирование АНВ⁶⁸.

Выводы

При администрации Дж. Буша-мл. проекты в рамках концепции БГУ находились на стадии НИОКР: реальные испытания всё ещё не проводились (причём по ряду технологий Конгресс ограничивал возможности военного использования). Если изначально в руководстве США делали ставку на неядерную модификацию Trident II, то в период второго президентского срока Буша в силу финансовых ограничений акцент был сделан на проектах ВВС. Деньги на исследования в области БГУ выделяли и Сухопутным войскам, однако в данном случае инициатива была не за администрацией, а за Конгрессом.

2.2 Реализация концепции быстрого глобального удара при администрации Б. Обамы

Администрация Обамы в целом продолжила курс предыдущего руководства страны – приоритетную роль всё также отдавали проекту НТВ-2 (ВВС США), а альтернативный проект АНВ (СВ США) рассматривался в качестве запасного варианта. В отличие от администрации Буша, администрация Обамы уже не пыталась заблокировать финансирование АНВ и осознавала необходимость диверсификации усилий. Именно при Обаме запущенные в 2000-х годах проекты достигли этапа испытаний.

Первые испытания планирующего боевого блока НТВ-2 состоялись 22 апреля 2010 г. Аппарат был запущен с Военно-воздушной базы Ванденберг, расположенной в Калифорнии. Хотя и через 9 минут после запуска (при планируемых 30 минутах полёта) связь с планирующим боевым блоком была потеряна, испытания назвали частично успешными, так как запуск и отделение от ракеты-носителя прошли по плану⁶⁹.

Вторые испытания НТВ-2 состоялись 10 августа 2011 г. Как и первые, они стали лишь частично успешными. Запуск произошёл, планирующий боевой блок отделился от ракеты-носителя, однако вскоре движение НТВ-2 приобрело аномальный характер; аппарат упал в океан⁷⁰.

Таким образом, в контексте проекта НТВ-2 главным вызовом для американских военных было управление планирующим боевым блоком после его отделения от ракеты-носителя. Незначительные средства на НТВ-2 выделяли и в последующие годы (на проработку альтернатив и нейтрализацию рисков). Из-

Деньги на исследования в области БГУ выделяли и Сухопутным войскам, однако в данном случае инициатива была не за администрацией, а за Конгрессом

⁶⁷ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 61.

⁶⁸ Там же, с. 57.

⁶⁹ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 15. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

⁷⁰ Ibid., p. 16.

начально планировалось в будущем провести третье испытание, однако в условиях реструктуризации программ БГУ от такого испытания было решено отказаться⁷¹.

Первые испытания ANW состоялись 17 ноября 2011 г.; аппарат был запущен с Тихоокеанского ракетного полигона (Гавайские острова). Испытания оказались успешными: гиперзвуковой летательный аппарат преодолел расстояние 2 400 миль⁷².

Вторые испытания ANW прошли 25 августа 2014 г. Гиперзвуковой летательный аппарат запустили с космодрома Кадьяк (Аляска), однако через 4 минуты после старта аппарат самоуничтожился из-за проблем с ракетой-носителем. Таким образом, испытания провалились⁷³.

Если финансирование HTV-2 после провальных испытаний 2010–2011 гг. было сокращено, то на ANW после успешного испытания 2011 г. стали выделять значительно больше денег. Так изначально побочный и «запасной» проект фактически вышел на первый план.

На период администрации Обамы пришлось также испытание гиперзвуковой крылатой ракеты Boeing X-51 Waverider. Данный проект, заказанный ВВС США, ранее не упоминался в настоящей работе, так как с бюрократической точки зрения находился за рамками усилий по созданию потенциала БГУ. Тем не менее, будучи проектом гиперзвуковой крылатой ракеты, X-51 отлично вписывается в одно из трёх направлений реализации БГУ (с учётом способности выполнять поставленные в рамках БГУ задачи).

Первое лётное испытание Boeing X-51 Waverider состоялось 26 мая 2010 г. Ракета была запущена с бомбардировщика B-52. Планировалось, что аппарат достигнет скорости 4 500 миль в час (7200 км в час, в 6 раз быстрее скорости звука), а полёт продлится 300 секунд. Однако ни тот, ни другой показатель не были достигнуты из-за трудностей с управлением ракетой⁷⁴. Испытания 2011 г. также завершились досрочно; в 2012 г. спустя несколько секунд после запуска ракеты-носителя был потерян контроль над системой. И лишь четвёртое испытание в мае 2013 г. увенчалось успехом: полёт продлился 300 секунд на скорости 5,1 Маха⁷⁵.

Выводы

К концу срока полномочий второй администрации Обамы стало прослеживаться оформление новых приоритетов в рамках реализации концепции БГУ. Проект HTV-2 фактически был полностью свёрнут, к тому моменту средства на него практически не выделялись уже несколько лет из-за провальных лётных испытаний. В центре внимания оказались два направления работы – проект СВ США ANW и проект ракеты средней дальности для

⁷¹ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 58–59.

⁷² Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 17. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

⁷³ Ibid., p. 17–18.

⁷⁴ Таким образом, вновь подтверждается выявленная ранее закономерность: большая часть технических проблем при испытаниях гиперзвукового потенциала БГУ возникла уже в ходе самостоятельного полёта летательных аппаратов.

⁷⁵ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 43–44. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

ВМС США. Планируемая дальность гиперзвукового летательного аппарата ANW – лишь 8 000 км (по сравнению с 17 000 км HTV-2), ракеты средней дальности – в районе 2 400 км. Неядерный быстрый глобальный удар в ходе эволюции военно-технической реализации превращался в просто неядерный быстрый удар.

2.3 Концепция быстрого глобального удара после 2016 года

Практика показывает, что в военно-политических делах разные администрации США во многом придерживаются единой линии, несмотря на противоречия, которые могут возникать по вопросам тактического характера. Так произошло и при передаче исследований и разработок в области БГУ от администрации Б. Обамы к администрации Д. Трампа. Отмеченное в предыдущей главе увеличение расходов было обусловлено не политическими амбициями республиканской администрации, а скорее постепенным переходом проекта на этап непосредственного производства образцов вооружений.

30 октября 2017 г. состоялись испытания гиперзвуковой ракеты средней дальности (Long-Range Hypersonic Weapon). Они прошли успешно: ракета была запущена с суши и преодолела 2 000 морских миль (3 700 км). В ВМС США стали проявлять оптимизм и обещать будущее размещение ракет на адаптированных подводных лодках типа «Огайо» или на подводных лодках типа «Вирджиния»⁷⁶. В конце октября 2017 г. также вновь прошли успешные испытания ANW⁷⁷.

Однако стоит признать, что именно при администрации Трампа концепция БГУ «растворяется» в целом ряде разнообразных проектов, которые отдалённо соответствуют логике, целям и задачам БГУ, но на бумаге к БГУ уже никакого отношения не имеют. Например, если в 2000-е годы исследования и разработки в области гиперзвуковых вооружений развивались в основном «под знаком» БГУ, то теперь такие работы ведутся в рамках уже нескольких проектов.

⁷⁶ Ibid., p. 22–23.

⁷⁷ Ibid., p. 18.

Табл. 1. Финансирование несекретных проектов США в области гиперзвуковых вооружений (в миллионах долларов США)

Программа	Финансовый год					Всего
	2020	2021	2022	2023	2024	
Неядерный быстрый удар, ВМС (англ. Conventional Prompt Strike)	718.148	1 169.92	1 169.92	1 462.66	994.888	5 749.902
Гиперзвуковая ракета наземного базирования, СВ (англ. Land-Based Hypersonic Missile)	228	181	137	259	274	1179
Гиперзвуковое оружие неядерного удара, ВВС (англ. Hypersonic Conventional Strike Weapon)	290	0	0	0	0	515.7
Оружие быстрого ответа воздушного базирования, ВВС (англ. Air-Launched Rapid Response Weapon)	286	201.2	28.5	0	0	515.7
Тактический управляемый боевой блок, Управление перспективных исследовательских проектов (англ. Tactical Boost Glide)	162					162
Оперативный огонь, Управление перспективных исследовательских проектов (англ. Operational Fires)	50					50
Концепция гиперзвукового воздушно-реактивного оружия, Управление перспективных исследовательских проектов (англ. Hypersonic Air-breathing Weapon Concept)	10					10
Всего		382.2	1 569.79	1 821.66		7 956.602

Источник: Министерство обороны США.

В табл. 1 наглядно продемонстрировано текущее распределение протекающих от концепции БГУ проектов на конкретные

программы. Программа Conventional Prompt Strike (Navy) – та самая бывшая программа «неядерного быстрого глобального удара», которая несколько лет назад была передана в ведение ВМС США. Сегодня к конвенциональному быстрому удару (CPS) относят лишь проект гиперзвуковой ракеты средней дальности, которая была успешно испытана в 2017 г. По финансовым данным наглядно видно, что именно этот проект рассматривается как основной. Но именно он также является наименее амбициозным; достаточно вспомнить дальность ракет 3 700 км, которая едва ли соответствует «глобальности» БГУ.

Проект Land-Based Hypersonic Missile представляет собой продолжение уже рассмотренного в деталях частично успешного проекта СВ США ANW, на который в своё время переключила внимание ещё администрация Обамы из-за неудач ВМС при испытаниях своих стратегических неядерных систем.

Проект гиперзвуковой неядерной системы Hypersonic Conventional Strike Weapon (HCSW) для ВВС США зародился при администрации Трампа – при ней же, однако, он был и полностью закрыт. Контракт на разработку HCSW был поручен корпорации Lockheed Martin в 2018 г., а уже в феврале 2020 г. было объявлено об отказе от HCSW в силу бюджетных ограничений, а также из-за схожести проекта с разрабатываемыми другими видами ВС США⁷⁸. Эксперты также указывают на недостаточную компактность HCSW по сравнению с конкурирующим проектом ВВС, о котором пойдёт речь далее⁷⁹.

Проект Air-Launched Rapid Response Weapon (ARRW; AGM-183A ARRW) представляет собой перспективную гиперзвуковую крылатую ракету воздушного базирования с воздушно-реактивным двигателем и управляемым боевым блоком, которая должна достигать скорости 20 Махов. Контракт на её разработку также получила корпорация Lockheed Martin – в августе того же 2018 г.⁸⁰ Первые «испытания» прототипа ARRW состоялись 12 июня 2019 г. Испытания, правда, заключались лишь в том, что ракету подвесили под крылом бомбардировщика B-52H – в ходе полёта образец ракеты не сбрасывали⁸¹. В течение 2019-2020 гг. похожие «пробные полёты» проводились ещё несколько раз. Первое же реальное испытание ARRW закончилось неудачей: в апреле 2021 г. B-52 просто не смог запустить ракету⁸². При всём этом в Министерстве обороны США заявляли о намерении начать производство ARRW уже в 2022 г.⁸³

Последний из проектов, на которые выделяется хоть сколько-то значимое финансирование, – тактический управляемый боевой блок (англ. Tactical Boost Glide, TBG), проект DARPA.

⁷⁸ Insinna V. US Air Force kills one of its hypersonic weapons programs // Defense News. – 2020. – February 10. – URL: <https://www.defensenews.com/smr/federal-budget/2020/02/10/the-air-force-just-canceled-one-of-its-hypersonic-weapons-programs/>.

⁷⁹ Ермаков А. Военный гиперзвук США // Новый оборонный заказ. – №2 (61). – 2020. – URL: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2020-2-61/voennyj-giperzvuk-ssha/>.

⁸⁰ Pawlyk O. In First, Air Force Flies Hypersonic Missile Prototype on B-52 Bomber // Military.com. – 2019. – June 18. – URL: <https://www.military.com/daily-news/2019/06/18/first-air-force-flies-hypersonic-missile-prototype-b-52-bomber.html>.

⁸¹ Ibid.

⁸² Грищенко Н. Первые испытания гиперзвуковой ракеты завершились неудачей в США // Российская газета. – 2021. – 6 апреля. – URL: <https://rg.ru/2021/04/06/pervye-ispytaniya-giperzvukovoj-rakety-zavershilis-neudachej-v-ssha.html>

⁸³ Названы сроки начала производства гиперзвукового оружия ВВС США // Взгляд. – 2020. – 19 декабря. – URL: <https://vz.ru/news/2020/12/19/1076577.html>.

Его идея состоит в применении гиперзвуковых вооружений на тактическом уровне⁸⁴. Стоит отметить, однако, что тактический характер TBG включает в себе дальность будущего боевого блока, едва ли релевантную в контексте концепции БГУ.

Табл. 2. Сравнение характеристик вооружений быстрого глобального удара

Система	Тип	Дальность (в т.ч. запланированная)	Состояние
Conventional Trident Missile	баллистическая ракета	12 000 км	Отказ после 2008 г.
БРПЛ средней дальности (SLIRBM)	баллистическая ракета	3 700–5 500 км	Отказ после 2008 г.
Common-Hypersonic Glide Body (C-HGB)	планирующий боевой блок (ПББ) (предположительно для подводных лодок типов «Огайо» и «Вирджиния»)	3 700 км	В развитии, уже запланировано
Long-Range Hypersonic Weapon	Ракета для доставки C-HGB	2775 км	В развитии
Army Advanced Hypersonic Weapon (AHW)	планирующий боевой блок (ПББ)	6 000 км	В развитии
Hypersonic Test Vehicle (HTV-2)	планирующий боевой блок (ПББ)	7 700 км (задача для испытаний) 17 000 км (планы)	Постепенно свёрнут в 2014–2018 гг., неудача
Hypersonic Conventional Strike Weapon (HCSW)	гиперзвуковая ракета для доставки ПББ	?	Свёрнут в 2020 г.
Air-Launched Rapid Response Weapon (ARRW; AGM-183A ARRW)	гиперзвуковая ракета для доставки ПББ	1600 км	В развитии

Источник: составлено автором

Выводы

По итогам рассмотрения современного этапа эволюции БГУ автор вынужден констатировать, что проект гиперзвуковой ракеты средней дальности (программа ВМС «Conventional Prompt Strike», ракета Long-Range Hypersonic Weapon – LRHW – и ПББ Common-Hypersonic Glide Body) оказался фактически единственным наиболее приближенным к полноценной реализации – в ВС США ракеты LRHW могут поступить уже в 2023 году⁸⁵. От конвенциональной версии ракеты Trident и от проекта

⁸⁴ Erbland P., Stults J. Tactical Boost Glide (TBG) // DARPA. – URL: <https://www.darpa.mil/program/tactical-boost-glide>.

⁸⁵ Trevithick J. Army Delivers First Canisters To Its New Hypersonic Missile Battery

ракеты SLIRBM отказались ещё в конце 2000-х – из-за «проблемы неопределённости». Проект HGV-2 свернули из-за провальных испытаний. Сроки постановки на вооружение ANW остаются неизвестны. Ограниченная релевантность проекта LRHW для неядерного быстрого глобального удара позволяет говорить о том, что концепция БГУ и спустя почти два десятилетия существует в первую очередь в теории, но никак не на практике.

2.4 Военная эффективность вооружений в рамках концепции быстрого глобального удара

После комплексного рассмотрения попыток реализации потенциала БГУ имеет смысл вернуться к вопросу о том, зачем Соединёнными Штатами был задуман весь проект БГУ как таковой. Как было отмечено в первой главе настоящей работы, существует два наиболее вероятных применения БГУ – «контрядерный удар» и борьба с асимметричными возможностями России и Китая (контртеррористический сценарий, судя по всему, в основном лишился актуальности). Прослеживается ли связь между изначальными планами в отношении БГУ и тем, к чему американские военные пришли спустя десятилетия попыток реализации проекта?

Конвенциональный контрядерный удар США по заранее известному противнику, в отношении которого те или иные подозрения существуют уже не первый год, по большей части был возможен и без концепции БГУ. Едва ли имеются основания сомневаться в том, что, например, в Восточной Азии (КНДР) или на Среднем Востоке (Иран) у Вашингтона имеются все возможности для бесконтактного (и при этом быстрого) силового воздействия на противника. Если на вооружении ВМС США в перспективе появится гиперзвуковая ракета с неядерным зарядом, она может разве что сделать это силовое воздействие более эффективным – в том числе как раз за счёт гиперзвуковых скоростей, которые (как предполагается) позволяют уничтожать в том числе и укрепленные объекты, хотя и эта характеристика гиперзвуковых вооружений остаётся вопросом дискуссионным.

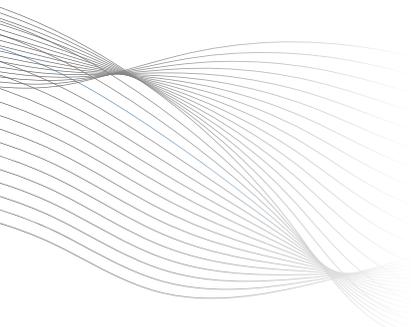
Иначе выглядит соотношение сил, если допустить, что контрядерный удар необходимо нанести по «неожиданному противнику», то есть государству, которое без всяких известных международному сообществу предпосылок получило доступ к ядерному оружию. Для использования с неядерными ракетами средней дальности, например, в США оборудовали всего 4 подводные лодки типа «Огайо»⁸⁶. При дальности ракеты 2500 км конвенциональный удар по распространителю ЯО окажется быстрым только лишь в том случае, если одна из этих лодок «чудом» окажется в той части планеты, где необходимость такого удара возникнет.

Похожие выводы можно сделать и в отношении борьбы с асимметричными возможностями России и Китая. Если разместить неядерные ракеты средней дальности на подводных

Проект гиперзвуковой ракеты средней дальности оказался фактически единственным наиболее приближенным к полноценной реализации

But Won't Say Where It's Based // The Drive. – 2021. – March 19. – URL: <https://www.thedrive.com/the-war-zone/39851/army-delivers-first-canisters-to-its-new-hypersonic-missile-battery-but-wont-say-where-its-based>.

⁸⁶ Woolf A. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // Congressional Research Service. – 2020. – December 16. – P. 21. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R41464>.

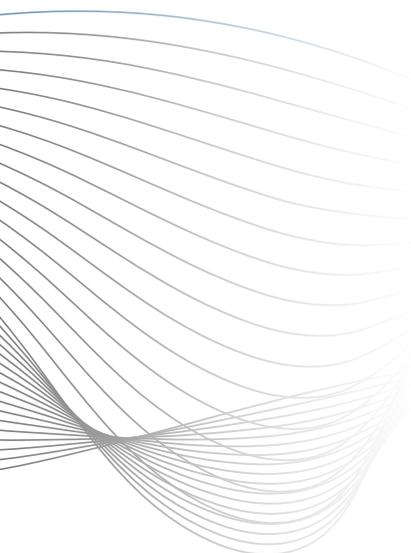
лодках в зоне Южно-Китайского моря, то боевые задачи (или задачи сдерживания) такие ракеты вполне могут выполнить – ведь проблема средств противодействия / воспреещения доступа (A2/AD) во взаимоотношениях с Китаем действительно обычно поднималась в рамках данного ограниченного региона. Если, однако, речь зайдёт, например, о необходимости убедительного неядерного сдерживания России, то подводные лодки типа «Огайо», пожалуй, придётся разместить по всему периметру страны (и их явно понадобится не четыре и не пять).

В обоих случаях задача сдерживания или нанесения неядерного удара была бы без проблем выполнена нереализованной неядерной модификацией Trident, о которой говорили в 2000-х годах. Однако если неядерную боеголовку на баллистической ракете противник никак не может отличить от боеголовки ядерной, то в ответ может последовать уже ядерный удар. В таком случае выгода от использования неядерных зарядов оказывается под сомнением. Впрочем, никто не может исключить и ядерный ответ России или Китая на заведомо неядерный удар; дискуссии вокруг БГУ носят слишком теоретический характер, чтобы даже сами американские военные могли оценить применимость и эффективность вооружений, разрабатываемых в рамках концепции.

Наконец, как уже было отмечено в главе 1, по сей день нереалистичным остаётся сценарий нанесения неядерного удара по стратегическим ядерным силам – с учётом большой длительности подготовки к такому удару, высокой эффективности средств противодействия высокоточному наведению, а также потребности в очень большом количестве неядерных вооружений для нанесения удара.

Выводы

Так как гиперзвуковые ракеты стратегической дальности в США пока что не доведены до работоспособного состояния и так как ставка делается на ракеты средней дальности, можно утверждать, что концепция БГУ мало что добавила к тем военным возможностям, которыми США и так обладали (или которые без особых затрат могли воссоздать). Неядерное сдерживание России, как и нанесение неядерного удара по СЯС, представляются нереалистичными; в регионах особых интересов США же потенциал нанесения удара по малым и средним странам у Вашингтона был и так. Вероятно, принципиальным новшеством БГУ можно назвать лишь то, что в силу гиперзвуковых скоростей перспективные ракеты могут эффективнее разрушать укрепленные конструкции, причём это преимущество во многом нивелируется тем, что ответ противника на неядерный удар непредсказуем и вполне может оказаться ядерным.

Глава 3. Международно-политические последствия концепции быстрого глобального удара

3.1 Воздействие концепции быстрого глобального удара на стратегическую стабильность

При оценке потенциальных негативных последствий БГУ автор исходит из концепции стратегической стабильности, под которой сегодня понимается «отсутствие стимулов для любого применения ядерного оружия»⁸⁷. Следовательно, проблема воздействия концепции БГУ на состояние стратегической стабильности сводится к тому, может ли развёртывание или применение потенциала БГУ увеличить риск возникновения ядерного конфликта. Для начала следует ответить на вопрос:

Чем вооружения БГУ отличаются от уже существовавших ранее неядерных вооружений США

Автор предлагает выделить несколько особенностей:

- скорость;
- манёвренность;
- глобальность (потенциально);
- сценарий применения БГУ против легальных ядерных держав.

Скорость

В результате длительных обсуждений «проблемы неопределённости» (неверной идентификации) и из-за возникновения гонки гиперзвуковых вооружений центральное место в проекте БГУ заняли системы, работающие на гиперзвуковых скоростях. Использование небаллистических траекторий усложняет обнаружение средств БГУ системами СПРН и приводит к сокращению времени принятия решений в условиях кризисной ситуации.

Ещё в 1980-х годах в качестве дестабилизирующего в России рассматривались американские ракеты средней и меньшей дальности, размещённые в Европе в результате «двойного решения НАТО». Подлётное время, не превышавшее 10-12 минут, делало взвешенное и эффективное реагирование на запуск тех же ракет «Першинг-2» практически невозможным. Во многом из-за этого и был подписан в 1987 г. ДРСМД, запретивший ракеты средней и меньшей дальности.

Траектория

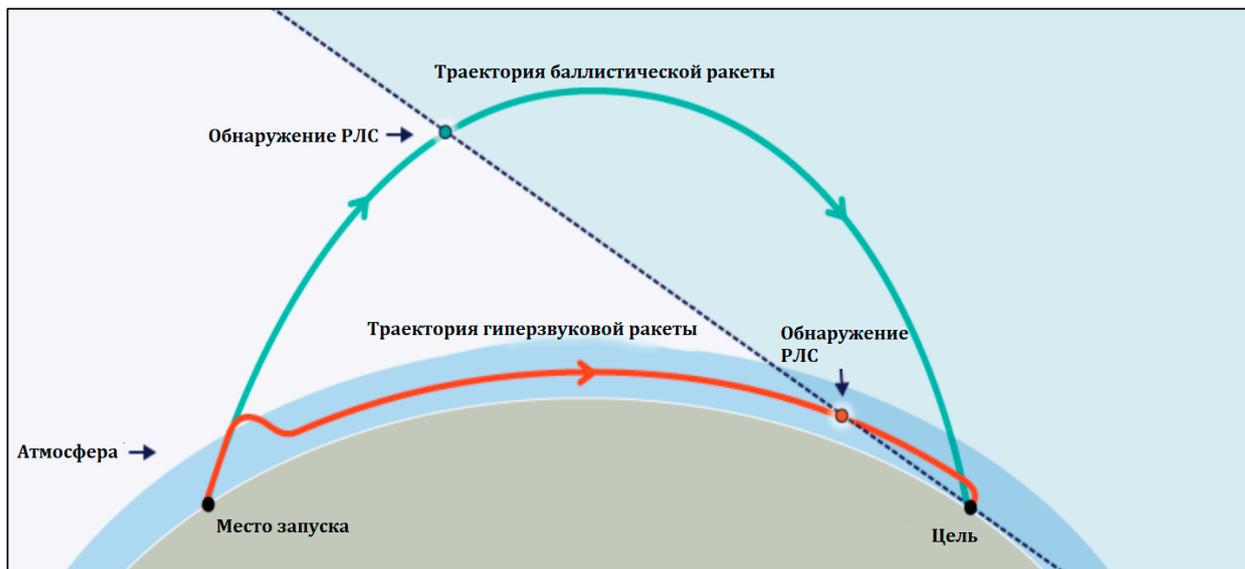
Важная особенность гиперзвуковых вооружений – движение не по баллистической, а по настильной (англ. flat) траектории. Система предупреждения о ракетном нападении (СПРН) может оказаться неспособной заранее идентифицировать запущенную ракету. Наглядно особенности траектории вооружений БГУ

⁸⁷ Тренин Д.В. Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Московский Центр Карнеги. – 2019. – С. 11. – URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Trenin_Russian_FINAL.pdf.

можно представить следующим образом:

Рис. 1. Траектория баллистических ракет и гиперзвуковых вооружений.

Источник: Congressional Research Service (переведено автором на русский язык)⁸⁸.

Проблема сложности идентификации вооружений БГУ ещё больше усугубляет проблему скорости принятия решения, что неизбежно ведёт к негативным последствиям для стратегической стабильности.

Манёвренность

Сразу несколько угроз для стратегической стабильности вытекают из манёвренности планирующих боевых блоков. Хотя наиболее реалистичная на настоящий момент ракета SLIRBM является баллистической, рассмотренные в подробностях перспективные системы баллистическими не являются. Что это означает?

Большая часть полёта баллистической ракеты проходит по баллистической траектории, в результате чего у наблюдающего за полётом государства есть возможность оценить цель, против которой была запущена ракета. Речь идёт не только о государстве-цели, но и о том, на какой конкретный объект придётся наносимый удар. Небаллистические ракеты этой предсказуемости лишены.

Вытекающие отсюда проблемы подробно рассмотрены Дж. Эктоном. Он выделяет два ключевых вызова:

- неопределённость направленности удара (неясно, какое государство является целью);
- неопределённость цели (неясно, наносится удар по ядерным или неядерным объектам)⁸⁹.

⁸⁸ Sayler K. M. Hypersonic Weapons: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service. – 2021. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/weapons/R45811.pdf>.

⁸⁹ Эктон, Дж. М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о «неядерном быстром глобальном ударе» / Джеймс М. Эктон ; Под ред. Е. Мясникова ; Моск. Центр Карнеги. – М., 2014. – С. 161–162.

Глобальность

С учётом истории испытаний вооружений БГУ в США можно ожидать, что в ближайшее десятилетие Вашингтон сможет получить вооружения БГУ с дальностью, не превышающей 8000 км (речь идёт в первую очередь о проекте гиперзвуковой ракеты СВ США). Хотя и такая дальность не является в полной мере глобальной, она действительно превышает дальность существовавших ранее неядерных систем вооружений.

Как отмечалось в первой главе, одной из вполне осознанных задач проекта БГУ являлось обеспечение убедительности американского сдерживания. По всей видимости, именно глобальность позволяет такого эффекта достичь. Теперь гораздо более реалистичным представляется нанесение стратегического удара по объектам, ранее недостижимым для тактических вооружений США. Возможность такого удара явно ухудшает современное состояние стратегической стабильности.

Сценарий применения БГУ против официальных ядерных держав

Большая часть тактических неядерных вооружений США предназначена для применения в рамках ограниченных региональных конфликтов. Одним из сценариев применения БГУ, однако, является ведение неядерного конфликта с ядерной державой, на что указывают, в частности, интенсивные дискуссии вокруг проблематики А2/АД. Наличие такого сценария приводит к нескольким базовым проблемам.

Во-первых, именно в условиях неядерного противостояния с ядерной державой приобретает актуальность «проблема неопределённости» (неверной идентификации).

Вопросы могут возникнуть лишь в условиях вовлечения США в один и тот же конфликт с Россией или Китаем на территории иного государства или в случае ведения неядерной войны с Россией или Китаем. Предложенное и выработанное Министерством обороны США решение – разработка гиперзвуковых небаллистических ракет с неядерным боезарядом. Предполагается, что Россия и Китай способны вовремя и достоверно идентифицировать запущенную небаллистическую ракету как несущую неядерный боезаряд (так как размещение ядерных зарядов на гиперзвуковых носителях США не планируется).

Дж. Эктон считает такое решение неполноценным. На тех же слушаниях в 2015 г. он отмечал: «Вы [Россия] увидите запуск планирующего боевого блока, если у вас имеется спутник, расположенный в нужном месте... После запуска вы не увидите вообще ничего, так как планирующие боевые блоки перемещаются на слишком низкой высоте для идентификации системой предупреждения о ракетном нападении (СПРН)»⁹⁰.

Более понятная и привычная проблема, связанная с БГУ и ядерными державами, – вероятное понижение порога конфликта. Любая система вооружений на доядерном уровне, создающая возможности для ведения конфликта с ядерным государством, повышает соблазн такой конфликт начать. В результате ненулевой оказывается вероятность эскалации такого конфликта до

⁹⁰ Ibid., p. 13.

ядерного уровня.

Угроза ядерного распространения

Ещё один вызов связан с тем, как на развитие потенциала БГУ Вашингтоном будут реагировать малые и средние страны. Как известно, ядерное оружие является относительно дешёвым и при этом надёжным способом сдерживания противника, обладающего превосходством в обычных вооружениях. Потенциал БГУ – в первую очередь потенциал гиперзвуковых вооружений – может означать возникновение ещё большего дисбаланса. Каждое повышение превосходства США в обычных вооружениях может означать возрастание риска появления новых ядерных держав.

Выводы

Основными источниками угроз стратегической стабильности со стороны БГУ являются скорость, манёвренность, траектория и глобальность соответствующих систем вооружений, а также вероятность их применения в доядерном конфликте с Россией или Китаем и риск ядерного распространения. Пока что предложенные Министерством обороны США односторонние решения существующих проблем представляются половинчатыми и неэффективными. Вероятнее всего, полноценное решение может быть достигнуто только в рамках многостороннего или двустороннего диалога на международном уровне.

3.2 Концепция быстрого глобального удара в политике России и Китая

С самого начала развития концепции БГУ в связанных с ней дискуссиях не последнее место занимали Россия и Китай. С одной стороны, американских военных, законодателей и исследователей уже с 2000-х годов занимал риск недопонимания со стороны этих государств в условиях запуска той или иной системы вооружений БГУ. Этот риск воспринимался в Вашингтоне абсолютно серьёзно и привёл к отказу от сразу нескольких вариантов достижения потенциала БГУ. С другой стороны, в 2010-е годы именно развитие Россией и Китаем гиперзвуковых вооружений стало принципиальным стимулом для США уделять БГУ больше внимания. В данном контексте актуальным представляется анализ того, как в России и Китае реагировали на проект БГУ на официальном уровне.

Российские официальные лица не раз выражали обеспокоенность относительно реализуемых в рамках БГУ идей, хотя и довольно редко использовали сам термин «быстрый глобальный удар». Ещё в 2015 г., говоря о «новом витке гонки вооружений», президент России В. В. Путин отмечал, что «уже появилась концепция так называемого первого обезоруживающего удара, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большого радиуса действия, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием»⁹¹. Под обезоруживающим ударом в российской традиции обычно понимают уничтожение

⁹¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – 2015. – 22 октября. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>.

СЯС⁹². Заявление Путина наглядно демонстрирует: военно-политическое руководство России не верит в то, что неядерный быстрый глобальный удар не направлен против российских ядерных сил. Л. Саалман пишет, что похожую позицию в отношении БГУ занимает и Китай, рассматривая проект как упреждающий и дестабилизирующий, а также несущий угрозу для китайских военных arsenалов и военной инфраструктуры⁹³.

В России проблематику гиперзвуковых вооружений увязывают с проблемой развития противоракетной обороны. В одном из интервью 2020 г. С.В. Лавров прямо заявлял, что «Авангард» и «Сармат» были разработаны в обстоятельствах, связанных «с развалом Договора о противоракетной обороне»⁹⁴. Впрочем, не скрывали этого российские власти и ранее: в 2018 г. вице-премьер России Ю. Борисов подчёркивал, что «Авангард» развивает скорость, в 27 раз превышающую скорость звука, в связи с чем «практически обнуляется противоракетная оборона»⁹⁵. То есть для России гиперзвуковой потенциал – это гарантированная возможность нанесения удара по территории США.

Анализ западного дискурса вокруг БГУ, однако, показал, что вопрос о преодолении ПРО противника или о уничтожении его ядерных сил неядерными средствами американцами не поднимался вовсе – как минимум, в ходе несекретных слушаний в Конгрессе. Скорее всего, это означает, что такие планы на повестке дня и не находятся: в рамках стратегических отношений скрывать доктринальные положения невыгодно, так как именно они составляют основу эффекта сдерживания⁹⁶.

⁹² См. Храмчихин А.А. Почему нам не страшен «быстрый глобальный удар» // НВО. – 2017. – 24 ноября. – URL: https://nvo.ng.ru/realty/2017-11-24/1_974_global.html.

⁹³ Saalman L. China's calculus on hypersonic glide // SIPRI. – 2017. – August 15. – URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2017/chinas-calculus-hypersonic-glide>.

⁹⁴ Открытый дипломат // Российская газета. – 2020. – 20 февраля. – URL: <https://rg.ru/2020/02/10/sergej-lavrov-prodolzhaetsia-srashchivanie-nato-s-evrosoiuzom.html>.

⁹⁵ Вице-премьер РФ заявил, что комплекс «Авангард» способен обойти любую систему ПРО // Голос Америки. – 2018. – 27 декабря. – URL: <https://www.golosameriki.com/a/associated-press-new-official-russian-weapon/4718188.html>.

⁹⁶ О факторе информации в стратегических отношениях писал Т. Шеллинг. Он говорил, в частности, об играх со смешанными мотивами, в которых есть элемент сотрудничества и противостояния и заинтересованность передавать оппоненту правду о своих намерениях. Отношения между СССР и США не являлись «игрой с нулевой суммой», так как у обеих сторон была заинтересованность в предотвращении ядерного конфликта. Следовательно, сторонам было выгодно подавать сигналы о собственных намерениях. То же самое, судя по всему, ещё в большей степени касается современных отношений России и США. См. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд., испр. – Москва: ИРИСЭН, Социум, 2014. С. 197-198.

Ведущие вашингтонские аналитики хорошо осознают, что в Москве и Пекине не понимают мотивы США. В 2015 г. Дж. Эктон, в частности, заявил: «Россия полагает (на мой взгляд неверно), что Соединённые Штаты стремятся получить конвенциональное оружие для нанесения удара по российскому ядерному оружию, и я думаю, что они правда так считают»⁹⁷. Если США всерьёз заинтересованы в нормализации стратегических отношений с Россией и Китаем, то им следует делать явно больше для преодоления этого базового недопонимания.

Выводы

Россия и Китай рассматривают БГУ в качестве проекта, направленного на формирование потенциала уничтожения российских и китайских стратегических ядерных сил без применения ЯО. Американские документы и экспертно-аналитические материалы не позволяют подтвердить данный тезис, а оснований скрывать соответствующие планы (если бы они существовали) у США, скорее всего, нет – особенно с учётом того, что сама Россия совершенно не скрывает того, как она видит потенциальное применение собственного гиперзвукового потенциала. Чтобы убедить Россию и Китай в отсутствии у США планов нанесения обезоруживающего неядерного удара по стратегическим ядерным силам, Вашингтону понадобится много времени и сил – пока же складывается впечатление, что данной проблемой американцы практически не занимаются.

⁹⁷ Hearing Before the Subcommittee on Strategic Forces of the Committee on Armed Services // House of Representatives. – 2015. – December 8. – P. 15. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114hrg98278/pdf/CHRG-114hrg98278.pdf>.

Заключение

Концепция быстрого глобального удара за почти 20 лет существования в современном виде претерпела существенную эволюцию. Изначально сосредоточенная на задачах противодействия ядерному распространению и борьбы с терроризмом, сегодня концепция БГУ оказалась элементом американской стратегии неядерного сдерживания России и Китая. Институционально распавшись на несколько отдельных проектов различных видов Вооружённых сил США, проект БГУ стал важным компонентом разворачивающейся гонки гиперзвуковых вооружений, в которую, по мнению американцев, их втягивают Москва и Пекин.

Концепция БГУ прошла через периоды взлётов и падений. В 2000-е годы Пентагон задавался целью создать стратегические гиперзвуковые системы, которые имели бы по-настоящему глобальный характер. В 2010-х годах череда провальных испытаний привела к частичной переориентации Министерства обороны США на проекты тактического характера, во многом лишив БГУ глобальности (как минимум, в среднесрочной перспективе).

Скорость, манёвренность и глобальность БГУ являются источником серьёзных угроз стратегической стабильности, которые не сводятся к одной лишь проблеме ошибочной идентификации ракеты. Предложенные Министерством обороны США решения этих проблем по настоящий момент остаются неудовлетворительными: дестабилизирующий характер концепции БГУ осознаётся не только в России и Китае, но и в самих США. При этом, однако, в Москве и Пекине, скорее всего, всё-таки переоценивают угрозу со стороны БГУ, делая предположение о направленности концепции быстрого глобального удара на уничтожение их ядерного потенциала. Вина в этом, правда, во многом лежит на Вашингтоне, который практически не пытался смягчить беспокойство российского и китайского руководства.

Реальное ограничение потенциала БГУ или полный отказ США от проекта внесли бы существенный вклад в укрепление стратегической стабильности. Пока что, однако, сценарий реального отказа США от гиперзвука представляется маловероятным, ведь он неизбежно потребует отказа и России от гиперзвуковых вооружений, условием которого, в свою очередь, станет отказ США от уже так долго разрабатываемых систем ПРО. Ожидать следует лишь возможного включения в зачёт СНВ-3 тех вооружений БГУ, которые можно отнести к категории стратегических (по аналогии с носителями, на которых размещён российский «Авангард»). Стратегических гиперзвуковых вооружений у США пока что нет. Более того, подобный шаг не будет означать сокращение или ограничение этих вооружений, так как «потолок» количества развёрнутых носителей Договора СНВ-3 и так не достигнут ни Россией, ни США. ■

Индекс Безопасности – Научные записки

№12 (26), 2021

Артем Квартальнов

Эволюция и перспективы развития
концепции быстрого глобального удара

Главный редактор: В.А. Орлов

Редактор: Е.Г. Чобанян

Рецензент: С.Д. Семенов

Дизайн и компьютерная верстка: Е.Г. Чобанян

В оформлении доклада используется фрагмент гравюры Альбрехта Дюрера «Носорог»

Использование наименования и
символики журнала *Индекс Безопасности*
© Владимир Орлов

Работа над номером завершена
29 сентября 2021 г.

© ПИР-Пресс, 2021

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Индекс Безопасности – Научные записки – доклады, аналитические статьи, комментарии и интервью, которые отражают позиции российских и зарубежных экспертов по актуальным вызовам глобальной безопасности и политики России в этой сфере. Задача серии – дать понятный анализ проблем международной безопасности и предложить для них конкретные и реалистичные решения. Серия пришла на смену журналу *Индекс Безопасности*, издаваемому ПИР-Центром в 1994 – 2016 гг. Авторы и редакторы серии будут рады комментариям, вопросам и предложениям, которые читатели могут направить на электронную почту inform@pircenter.org

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И ПУТИ РАЗОРУЖЕНИЯ

Данная научная записка выполнена в рамках проекта «Контроль над вооружениями и пути разоружения», которая является частью Программы «Россия и ядерное нераспространение» и нацелена на изучение рисков новых систем вооружений, а также поиск возможностей обеспечить безопасность и национальные интересы России за счёт выстраивания архитектуры контроля над вооружениями. В настоящее время в рамках проекта готовится серия научных записок, посвящённых отдельным элементам предложенной России концепции «нового стратегического уравнения», охватывающей все факторы, влияющие на стратегическую стабильность.